

вистью смотрѣль маленькой Николинька изъ «Дѣтства и Отрочества» на юродиваго Гришу, гремѣвшаго своими веригами и впадавшаго въ темной комнатѣ у иконы въ страстный, длительный экстазъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь здѣсь уже было то самое разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній, тотъ выходъ изъ смертельной тоски, какой былъ найденъ писателемъ лишь послѣ столкновенія и послѣ непримириимой и страшной борьбы съ міромъ. Борьбы съ міромъ нѣть, разъ человѣкъ говоритъ: «я призванъ спасти только самого себя», или: «главное и окончательное дѣло каждого только осуществить себя и выполнить свою задачу». Съ такимъ утвержденіемъ уходять въ пустыню, въ глушь лѣса, спасаются въ уединеніи отъ міра и не мучаются себя тѣмъ, что тамъ, въ мірѣ—людей калѣчатъ, уродуютъ ихъ души, поливаютъ сѣрной кислотой самый цвѣтъ молодыхъ жизней, ихъ стебли, ихъ листья, ихъ почки. Пустынникъ утвержденъ и замкнуть самъ въ себѣ, и міръ для него оправданъ и данъ весь въ истинѣ постольку, поскольку онъ самъ приведенъ къ истинѣ и живетъ въ ней. Въ мірѣ можетъ твориться все, что угодно, его могутъ заливать кровью и въ немъ могутъ самымъ чудовищнымъ образомъ насиливать человѣческія сознанія и превращать въ кошмаръ жизнь миллионовъ людей. Но если душа пустынника озарена благодатью